

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Play/Pause **5**

Ибо мысли слышны на небе **15**

Сорока-ворона **30**

Вторжение **38**

Наташин день **68**

Сашки **75**

Клятва **79**

Нырок **84**

Суббота **91**

Common people **101**

Птицефабрика **113**

Электрический балет **122**

Руками не трогать **146**

Повесть

Чертovo колесо 153

Play/pause

Только вот не надо брать меня на слабо: мол, а давай посмотрим, кто из нас первым свалится под стол. Ну, образно. Нормального стола у нас, конечно же, нет, мы постелили на траву голубую клеенку, изрезанную ножом. На ней — пластиковые тарелки с луком и заветренными ломтиками помидоров, над которыми мы по очереди машем руками, отгоняя мух. Славик еще не подзревает о моей суперспособности пить и не хмелеть*, а мне только этого и надо — чтобы восхищались, как лихо я опрокидываю стопки наравне с мужиками. Почему-то мои стихи не производят такого эффекта, приходится искать другие области самовыражения.

— А давай, — говорю и щелкаю по муравью, что кружит по ободку моего одноразового стаканчика.

— Я пас! — Алена такая девочка-девочка, что даже на природу нацепила юбку, и мучится, как бы

---

* Я пока не знаю, что суперспособность исчезнет после двадцати, но этому городу нужен герой.

ей так устроиться на подстилке, чтобы трусы было не видно. Пьет «компотик», нагретый на солнце, а мясо ест вилкой. Толя же выбывает из соревнования досрочно — ему еще нас всех обратно везти. Губы его лоснятся от жира, на жиденькой белобрысой щетине застряли крошечные черные угольки от шашлыка, и я смотрю на этот рот, который планирует сегодня оставлять засосы на моей шее, и требую водки.

— Ну, Ритка, ты даешь, — говорит Толя.

«Ритка». Убила бы.

Pause.

Память — затертая кассета с истонченной от частых перемоток пленкой. Я не помню цвета клеенки, но ее заломленный голубой уголок задокументирован на кадрах любительской съемки. Ползающие по розовой коже помидоров мухи тоже невольно останутся в аналоговой вечности. Первый курс, режиссерский факультет, родители покупают мне ручную камеру-малышку со сменными кассетами, и я таскаю ее в мягком черном кофре через плечо вместо сумочки и разбиваю мир на прямоугольники с надписью Res, мигающей красным, как воспаленный нарыв.

На том пикнике камера оказывается в руках Славика, который «поливает из шланга», как сказал бы наш препод по операторскому мастерству, мечется от одного лица к другому, теряет фокус. Я заслоняю ладонью направленный на меня объектив, точно застуканная папарацци кинозвезда,

но если нажать на паузу, то за секунду до можно поймать мой чуть смазанный портрет. В восемнадцать у меня тот же пробор справа, что будет и в тридцать, и, наверное, в пятьдесят, подведенное черным карандашом нижнее веко, слишком крупный нос, замазанные тональником прыщи, из-за которых я не люблю сниматься. Камера отстает от меня, зависает на мангале. С жарящегося мяса капает жир, и кажется, я слышу, как шипят угли, хотя пленка сохранила только музыку, доносящуюся из динамиков в Толиной машине, что стоит неподалеку с открытым багажником.

Я устал, хочу любви, да так, чтоб навек, а ты парись секс...*

Камера задерживается на Алене, которая подставляет чистенькое, без единого прыщика лицо объективу, точно солнечным лучам. Точно прицелу. Славик «наезжает» зумом на ее большие мультяшные глаза, и я, пересматривая кассету столько лет спустя, чувствую неловкость, как в театре, когда актеры обнажаются на сцене. Будто я подловила его тайный влюбленный взгляд, будто этот дрожащий кадр не предназначен для просмотра, но я все перематываю и перематываю, чтобы вспомнить, как же выглядела моя лучшая подруга. «Я устал, иду на дно смотреть про любовь немое кино», — подпевает раз за разом Алена. Ее патронусом наверняка оказался бы Бэмби. Когда мне было пять,

---

* Переслушивая песню группы Quest Pistols через пятнадцать лет, я все так же не понимаю, что значит «парить секс».

в один день я четыре раза подряд посмотрела диснеевский мультфильм про олененка, перематывая кассету на начало сразу же после титра *The End*, и четыре раза рыдала навзрыд на сцене, в которой охотники застреливают мать-олениху. В воображаемых интервью я буду рассказывать, что именно тогда я впервые осознала силу киноискусства.

Play.

Мы сидим так, что дым от мангала идет в нашу сторону, щиплет глаза. Водка обжигает горло, но я не подаю виду — видела бы меня сейчас преподаша по актерскому, — рука тянется к огурчику лениво, не спеша, мол, мягонькая, как водичка, можно и не закусывать. По пути сюда, в машине, Алена перегнулась через корзину, которая стояла на заднем сиденье между нами, и шепнула мне на ухо: «Обязательно сегодня? Не можешь подождать?» Я приложила сложенные указательный и средний пальцы к виску и дернула, выстреливая невидимым пистолетом.

Обязательно.

Pause.

Если перемотать пленку на четыре года вперед, в год конца света по календарю маяя, камера застигнет врасплох утреннюю, сонную еще Алону в одном корсете и белых колготках в сеточку. Поджимая от боли пальчики на ногах, она перебирает пузырьки и блистеры в коробке из-под печенья,

пока подружка укладывает ее толстые косы на затылке и рассыпает в темных волосах шпильки с жемчугом, похожим на круглые глянцевые таблетки. «Не снимай!» — машет рукой Алена и глотает но-шпу. Пышная, накрахмаленная юбка на кровати вздувается гигантской медузой, вынесенной на берег. Я догадываюсь, что, когда юбка окажется на Алене, кому-то придется помогать ей со сменой тампонов.

Меня попросили захватить камеру — сэкономили на операторе, — и я в длинном атласном платье ползаю на коленях перед выставленными, как в витрине обувного магазина, туфельками, чтобы снять эффектный кадр. Со спины сходит лавина пота, но Алена просит не открывать окно, иначе ее платье провоняет запахом навоза, который несет ветер с ближайшей молочной фермы.

По традиции жениха не пускают к невесте, пока тот не заплатит выкуп. На зрелище стекаются соседи со всей станицы, прямо так, в чем задавали корм скотине и возились в огороде, — женщины в цветастых халатах с темными пятнами под мышками, мужчины в трениках и галошах на босу ногу с налипшими комьями глины и травы. Я не хочу выделяться, но на мне коралловое платье в пол. На облупленный зеленый забор прицеплена скотчем бумажная ромашка. Подружка Алены звучным голосом объявляет, что сейчас мы узнаем настоящую причину, по которой женится жених. Славик — впервые вижу его в костюме — отрывает случайный лепесток, переворачивает и смущенно зачитывает: «По залету». Из толпы доносятся

одобрительные выкрики, смешки и свист. Никто, кроме меня, не знает наверняка, что Алена до сих пор девственница. На пленке нет того кадра, на котором молодожены втискиваются в деревенский туалет, пока гости в третьем часу утра распивают остатки самогона и горланят «О боже, какой мужчина». В первую брачную ночь из-за месячных Алене приходится откупиться быстрым минетом.

На свадьбе я впервые после того пикника встречаю Толю. Не могу даже мысленно заставить себя назвать его «бывшим». Толя всегда будет не в счет. Я никогда не буду рассказывать о Толе друзьям, которых заведу, когда перееду в Москву. Никогда не буду искать его в соцсетях. Толя подрабатывает летом оператором машинного доения на той самой молочной ферме, от которой несет навозом, — единственный мужчина среди доярок. Нас познакомила Алена. «Главное, чтобы человек был хороший», — говорю я сама себе. Мысленно я живу на Манхэттене, делюсь секретами с Деми Мур и репетирую речь для «Оскара», говоря в расческу, как в микрофон, а Толя не знает, кто такой Джармуш, не смотрел ни одного фильма Линча, не может поддержать разговор даже о попсовой «Загадочной истории Бенджамина Баттона», которая прямо сейчас идет в кинотеатрах.

Институт культуры и искусств против сельскохозяйственного техникума.

Собственный снобизм кажется мне отвратительным. «Мы с тобою одной и той же породы», — подсказывает мне в наушник нежный голос солиста группы Brainstorm. Не суди людей по их

плейлисту, да не судим будешь. Но я сужу. И вот я больше не положительная героиня этой истории — так, городская выскочка, которая считает себя выше деревенского паренька. Каждые выходные, когда я в детстве приходила в гости к бабушке, я просила ее включить «Анжелику — маркизу ангелов». Мы засмотрели кассету до помех, до пиксельных молний, вспарывающих идеальное лицо Мишель Мерсье. Страсть графини к коноху по имени Николя представлялась мне тогда дико романтичной. Я стыжусь себя за непоследовательность. Первую попытку отношений я трачу на мысли о социальном статусе и уговоры. «Посмотрите, какая цаца. Тоже мне графиня нашлась. Ты радоваться должна, что хоть кто-то обратил на тебя внимание. Влюбился, несмотря на твои прыщи под тональником и нос картошкой». Я пока ничего не знаю о феминизме* и праве сказать «нет». Но когда Толя пытается поцеловать меня, я до боли стискиваю зубы, чтобы его язык не оказался у меня во рту.

На Алениной свадьбе мы здороваемся, но не говорим друг с другом. На его месте я бы тоже со мной не разговаривала. Я представляю, какой могла быть наша свадьба. Толя отрывает

---

* На самом деле знаю, но тогда я была уверена, что феминистки обязаны ненавидеть мужчин. Глядя на развешанные по комнате плакаты с Джонни Деппом, я считаю, что не могу поддерживать движение, и, судя по записи в дневнике, называю себя «полуженщиной».

лепесток бумажной ромашки и читает: «Мы поженились, потому что она не смогла отказаться».

Я пью водку наравне с мужиками, смеюсь громко, как в последний раз, пою «О боже, какой мужчина» вместе со всеми и роняю камеру на кафельный пол в кухне, пытаюсь снять еще нетронутый праздничный торт, но я все время мысленно возвращаюсь к тому пикнику.

Play.

Мясо закончилось, но у нас еще целый пакет сосисок. Оставляем ребят нанизывать их на шампуры и идем с Толей к реке смотреть закат. Алена едва заметно качает головой, недовольно кривит губы: я порчу ей вечер. Сейчас я испорчу вечер еще и Толе, а потом займусь Славиком: не надо было меня на слабо брать.

Из-за долгой засухи воды в реке почти нет, серая земля в трещинах, какие-то покрышки торчат, коряги, целлофановые пакеты и битое стекло, на котором бликует заходящее солнце*. Толя подставляет маслянистые губы, а я отворачиваюсь и хлопаю себя по руке, размазывая по коже кровь откормленного комара.

— Толь, послушай... — Я начинаю произносить заготовленную речь и вдруг вижу себя со стороны, не только себя, но нас, стоящих на вытоптанном

---

* Неэкологичная романтика две тысячи восьмого. Конец света наступит через четыре года, так что мы не сортируем отходы.

клочке берега в зарослях камыша, таким вот общим планом — кинокамера описывает вокруг нас стремительную дугу под пронзительную музыку, как в мелодрамах, потом берет крупный план его лица. Мне все кажется нелепым, ненастоящим — он, я сама, декорации и сумеречный свет, который операторы называют «режимным», — будто я играю роль в малобюджетном российском сериале, сцена восемнадцать, кадр два, дубль один: городская выскочка бросает деревенского паренька. Слова сценария загораются на телесуфлере:

«Еще один фильм про разлуку».

Мне становится смешно, боже, как же мне становится смешно. Я, можно сказать, человеку сердце разбиваю, а мне смешно. Меньше пить надо. Речка эта вонючая — так себе место для экзистенциального кризиса, но я вижу все как бы со стороны, как бы извне, в прямоугольнике с бьющимся в истерике значком Rec. И я не могу нажать на Pause или Fast Forward, чтобы промотать этот дурацкий день, все эти дурацкие дни, в которые мне придется играть одну и ту же роль отрицательной героини — за нее мне никогда не дадут «Оскар».

— Знаешь, мне кажется, мы не...

А он-то, он! — ни-че-го-шень-ки не понимает, для него-то все серьезно, все по-настоящему, у него *жизнь* происходит! Смотрит на меня, глотая сопли, и не понимает, почему я смеюсь, не понимает, что это всего лишь один бестолковый эпизод, ну сколько еще таких будет — тысяча? две? А потом пленка остановится, экран погаснет, оператор пойдет на перекур. Разве можно вот так, серьезно?

Если все равно все закончится. И мы точно знаем, что закончится, и он, и я, но почему-то продолжаем играть. Смешно и бессмысленно. Бессмысленно и смешно.

Красное солнце разбивается вдребезги в мутной воде.

Я говорю: «Как-то похолодало к вечеру».

Мы возвращаемся к костру.

— Ну что, Рит, еще по одной? — спрашивает Славик. — Ты же знаешь, я тебя все равно уделаю...

Пожимаю плечами, беру бутылку и пью прямо из горла.

ИБО МЫСЛИ СЛЫШНЫ НА НЕБЕ

1

Сваренные вкрутую яйца остывали в ледяной воде на дне кастрюли. Синие штампы на боках размыло, и теперь яйца напоминали белоснежную морскую гальку. Вероника видела такую только на могиле бабушки, но никогда не встречала на пляже. Обычно мама покупала коричневые, утверждая, что они лучше белых (папа неизменно шутил про расизм), и жарила омлет, потому что от вареных яиц папа икал, а бабушка, ковыряя ложечкой желток, жаловалась на его неправильный «магазинный» цвет. Но раз в году всем приходилось терпеть — мама варила сразу десяток, раскладывала на столе прошлогодние газеты, ставила в ряд стаканы и растворяла разноцветные порошки в горячей воде и уксусе. На его запах и объявилась бабушка, как раз когда мама разрешила Веронике утопить первое яйцо в красной жиже.

— Как?.. Да вы что!.. Химозной отравой!

О Великой яичной войне можно было слагать легенды. Мама из года в год полоскала яйца в пищевых красителях (папа неизменно спрашивал: «А мои покрасишь?»), бабушка же приносила деревенские, «натуральные», отваренные в луковой шелухе и свекольном соке, с узором из петрушки или риса, и причитала про неосвященный белок, который впитал «химозную отраву». Когда по традиции яйца били, сжав в кулаке, бабушкины почти всегда выигрывали, убеждая ее, что искусственная краска истончает яичную броню. После смерти дедушки бабушку взяли жить к себе, но на кухню не пускали. По официальной версии: «Мама, тебе нужно больше отдыхать», по неофициальной: «Я ее щи хлебать не буду. Заказываю пеперони или четыре сыра?»

— Да как же я их в церковь понесу? — продолжала бабушка.

— Перед богом все яйца равны, — ответила мама, натирая скорлупу подсолнечным маслом для глянца и инстаграма* (#пасха #happyeaster #hygge). Вероника осторожно раскладывала яйца на тарелочке вокруг купленного в супермаркете кулича и незаметно сковыривала белую глазурь, как засохшую корочку с ранки. В прошлом году мама взялась печь самодельные в жестяных банках из-под «Нескафе», но куличи сгорели. Бабушка сказала, что наверняка мама думала о чем-то дурном, пока

---

* Деятельность Meta Platforms Inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

их готовила. Мама вспомнила, что и правда думала об отце — поскорее бы ему отмучиться, — но промолчала. В этот раз решила не рисковать.

— А вы знаете, что кулич и яйца — это фаллический символ? — На кухню заглянул папа, который только что вернулся с работы и не успел еще натянуть домашнюю футболку с надписью Star Wars, однако уже был настроен воинственно.

— Какой символ? — переспросила Вероника, но мама замахнулась на папу мокрым полотенцем, будто хотела согнать с него муху.

Мама рассердилась понарошку — прикрыла рот рукой, делая вид, что закашлялась. Бабушка все равно заметила ее улыбку.

— Бесстыжие, — проговорила она. — Постеснялись бы при ребенке.

— То есть про распятие ей слышать можно? — не унимался папа. — Человеку гвозди в руки вбили вообще-то, без анестезии.

— Ну, хватит, — сказала мама, а бабушка, ойкнув, перекрестилась.

Когда сели ужинать, она объявила:

— Вера пойдет со мной на всенощную.

— Ника никуда не пойдет, — сказал папа, противно цапнув по тарелке ножом.

Бабушка звала Веронику Верой, папа — Никой, мама примирительно выговаривала полное имя, и только дедушка называл ее Кнопкой.

Папа демонстративно отправил в рот кусок отбивной, мол, разговор окончен, и даже прибавил громкость на телевизоре, где как раз выложенная белобрысая семейка изображала неистовый

восторг от йогурта с кусочками клубники. Бабушка, сдирающая липкую кожуру с картошки в мундире («Без масла! Без масла! Пост же»), не отступала:

— Надо-надо. Яички освятим...

Папа направил на бабушку вилку:

— Развлекайтесь, Елена Григорьевна, сколько душевненьке вашей угодно. Хотите биться лбом об пол? Пожалуйста. Мяса не есть? Да на здоровье. Верить в воображаемого друга? Ну, верьте себе тихонечко. Только оставьте ребенка в покое.

— Мам, ну правда, какая всенощная? У Вероники режим...

— Не забивайте ребенку мозги, Елена Григорьевна, с этим и так прекрасно справляется нынешнее образование...

— Мам, может, в следующем году? Вероника еще слишком маленькая для такого...

Бабушка сперва помалкивала, ибо в Чистый четверг скандалить негоже, но в конце концов не выдержала и устроила показательные выступления с прикладыванием платочка ко лбу, перебором вариаций на тему «грех» — греховность, грешно, грешники, — перетряхиванием содержимого старенькой дерматиновой сумочки, пока в чехле для очков не был найден глицин. Бабушка верила, что таблетки-бусинки моментально избавляют от заявленного на упаковке «пси-хо-эмо-ционального напряжения». Папа невозмутимо щелкал каналами, из-за чего слова из телевизора складывались в бессмысленную фразу: «Пенсионной реформы... усилить санкции против... все в восторге от тебя... аномальное тепло...» Мама щипала папу

под столом за ляжку — наверняка за столько лет на бедре у него цвел вечнозеленый синяк. Пока взрослые препирались, Вероника потянулась к красному яичку, но бабушка заметила, отвлеклась от причитаний и хлопнула по руке: «Фальстарт!»

Никто не спросил, хочет ли Вероника в церковь. Взрослые никогда не спрашивали, что она думает. Пожалуй, только дедушка, когда был жив: «Как думаешь, Кнопка, динозавры вымерли, потому что не поместились в ковчеге?» У Вероники как раз была стадия увлечения динозаврами, и она могла перечислить их по алфавиту от аллозавра до ямацератопса — если уж она чем-то увлекалась, то всерьез. На дедушкины вопросы бабушка недовольно цыкала и бормотала про вред алкоголя. Когда Вероника представляла бога, перед внутренним взором сразу же появлялась кудрявая гипсовая голова с глазами навывкате, которую мама в приступе ностальгии по художке купила на «Алиэксспресе» (греческая мифология давид имитация пластыря штукатурка статуя). Белоснежный бюст пылился на шкафу, нетронутый, рядом с потрескавшимися акварельными красками и кистями, которые папа иногда таскал, чтобы почистить внутренности компьютера. Веронике казалось, что, если у бога есть лицо, оно именно такое: угрюмое, с двумя морщинками над переносицей, — он будто непрерывно следит за тобой оттуда, сверху. Иногда перед зеркалом Вероника пыталась одновременно хмурить брови и широко открывать глаза, но у нее скоро начинал болеть лоб, а повторить выражение лица Давида так и не удавалось.

В воскресенье утром, столкнувшись с папой у двери в ванную, бабушка торжественно провозгласила:

— Христос воскрес!

— Как зомби? — спросил папа.

Вероника в это время сидела в туалете и слышала, как бабушка прошипела:

— Бог тебя накажет.

Вероника задумалась: как бог накажет папу? Поставит в угол? Побьет ремнем? Она представила, как бог-Давид кладет папу себе на колени, спускает с него штаны и шлепает по заду огромной белой ладонью. Не удержавшись, Вероника рассмеялась. Послышался строгий бабушкин голос из-за двери:

— Что смешного?

Вероника проговорила:

— Ничего... Просто подумала...

— Подумала она. Остерегайся мыслей своих, ибо мысли...

Остаток фразы Вероника не услышала, потому что нажала на кнопку смыва.

2

Бабушка знала, что врать грешно. Послание к Ефесеянам (4:25): «Посему, отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему». А еще бабушка умела гуглить. «Википедия»: «Благочестивый обман, святая ложь, ложь во спасение (лат. *ria fraus*) — морально-теологическая концепция о допустимости сознательного обмана для вящей славы

Божьей и спасения души». Из двух вариантов бабушка склонялась к тому, в котором хотя бы один человек в этом доме будет воспитан по-христиански. Поэтому для родителей Вероники за ночь были изобретены детская секция плавания и аквааэробика для женщин шестьдесят плюс.

— Мы сходим посмотреть *разочек*, — сказала бабушка. — Если понравится, запишемся в группу.

Нет, на самом деле бассейн во Дворце спорта существовал, прекрасный бассейн с восемью дорожками, и даже бесплатные занятия для пенсионеров, на которые бабушку все звала соседка, тоже были. Только вот рядом с Дворцом притулилась румяная церквушка, где до двенадцати дня святили куличи, поэтому в то воскресенье купальник Веронике не пригодился. Вместо шапочки для плавания бабушка повязала на нее платок.

Под колючей тканью намокли волосы и чесалось, а еще хотелось по-маленькому. Перед накрытым клеенкой длинным столом, заставленным корзинами, пластиковыми контейнерами и ячеистыми лотками с яйцами, вышагивал бородатый мужчина в черном балахоне с белым шарфом — по крайней мере, Веронике сначала показалось, что на нем именно шарф, как у болельщика футбольной команды. Батюшка — так называла его бабушка — разбрызгивал холодную воду смешным ершистым венником, капельки попадали Веронике в глаза, и она не знала, можно ли вытереть мокрое лицо рукавом, или это будет неуважительно по отношению к батюшке. «Неуважительно» — так выразилась бабушка, когда Вероника попросилась

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru